

Сов. Молдова - Кишинев, - 1991, - 19 марта

И ЕСТЬ ДАР БОЖИЙ...

Кишиневская публика бросилась на него, словно изголодавшаяся по теплу и ласке женщина. Она шла на него, не смотря ни на что. Она забрасывала его цветами, бисировала и переполненная восторгом и нежности, не отпускала, не отпускала, не отпускала...

И вдруг на минуту показалось, что есть нечто более существенное в этом мире, нежели парламентские дебаты...

Есть рождение и смерть. Есть любовь. Есть искусство. Есть дар божий. И десять заповедей, старых и вечных, как мир...

Так он говорил — хрупкий, изящный, чудно обаятельный, почти мальчик, — и признанный Мастер, звезда мирового балета Вадим Писарев.

Он сидел, улыбался и с готовностью рассказывал о себе:

— Семья никакого отношения к искусству не имеет. Разве что народные песни у нас очень любили. Я был чрезвычайно подвижный, и бабушка меня повела на танцы — в самодеятельность. Потом поступил в балетную школу. Потом — восемь лет в Киевском хореографическом училище и работа в труппе родного Донецкого театра. Потом — конкурсы, гастроль...

К гастролям привык. Любит Ленинград: там очень тепло в Эрмитаже, Русском музее и спокойно. Еще Ереван: удивительно красивый. И Кишинев: сцена вашего театра, по моему, одна из лучших в мире — очень мягкая, это стопами ощущаешь. Еще в Большом и в Сити-центре в Нью-Йорке — такие.

Вдруг — без перехода:

— А однажды я танцевал со сломанной рукой...

Стоп. Как это, где, зачем?

Он ответил просто, обезоруживающе просто: «Мне очень хотелось победить. И я победил».

В 1986 году на один из самых престижных балетных конкурсов в США он, действительно, поехал со сломанной рукой. Вспоминает с удовольствием:

— У меня был современный номер — Полет шмеля. Очень важное значение имели движения кистями рук. А у меня одна кисть была способна только на «слегка вверх-вниз». Пришлось на ходу перестраивать хореографию... Вообще, я люблю импровизировать. Чуть-чуть, но обязательно. Тогда танец кажется «своим», как-бы «ложится» на тебя.

— А что главное в танце?

— Красота... Знаете, в танце — удобно, когда красиво, и красиво, когда удобно. — И смеется, довольный. — Честно

Встреча для вас

говоря, это не я сказал.

— А что удобнее Писареву — классика или современная хореография?

— Конечно, классика. Без школы классического танца хороший танцовщик никогда не получится. И потом, я по натуре немножко романтик — жизнь, смерть, страсть... Я думаю — если станцевал «Жизель», можно умирать.

— Бывает такое, что не хочется танцевать?

— Бывает, да. Но я стараюсь не обманывать зрителей. И главное, когда слышишь музыку, все сразу меняется — настроение, состояние. Ты уже себе не принадлежишь. Остается танец, образ, душа...

Он вдруг вспомнил, как когда-то, мальчиком, «утонул». Бабушка думала — утонул. А он нырнул, под водой все было новое, неясное, неведомое. Хотелось остаться и не выныривать...

Хочется ли ему остаться в танце и не выныривать к нам? Он говорит: я очень переживаю все, что происходит. Я хочу, чтоб люди были добрее. Я ходил по Кишиневу, видел злые лица, глаза и хотел, чтоб они стали добрыми. Я верю, что сбудутся прогнозы астрологов — мы пронесемся над пропастью...

Когда он был в Кишиневе, ему позвонили из Парижа и пригласили на концерт «Звезды мирового балета». Всего две пары из Союза — Вадима Писарева с его женой, партнершей

Инной Дорофеевой и Нину Ананишвили и Александра Фадеечева.

Успех, признание. Все было сначала там. Не хочется вспоминать избитое «нет пророков...», не хочется. Ну, не пускали его на конкурсы. Говорили: «Как так! Только пришел в труппу, молодой еще, пусть годика два-три поработает, тогда посмотрим...». Наша родная доморощенная тупость истребима разве? Да никогда. Ну и бог с ней.

Кажется, Баратынский сказал: «Дарование — есть поручение. Должно исполнять его, несмотря ни на какие препятствия».

У Писарева есть мечта, идея, как он говорит. Поставить балет «Андрей Рублев». Не биографический, не исторический, а, идя как бы изнутри от души, от духа его. «Фрески, музыка — я все это себе хорошо представляю. Что получится — не знаю».

За это взялась московская фирма «Моп-арт». Музыка заказана А. Шнитке. О хореографии ведутся переговоры с Н. Долгушиным и Б. Эйфманом. Премьеру он мечтает показать в Большом театре на базе трупп Донецкого и Кишиневского театров.

— А еще я собираюсь очень много танцевать. Очень-очень. И хочу, чтобы что-то поставил для нашей донецкой труппы великий Роман Петя.

Вот так он хочет. И я почему-то верю, что так будет. Потому что у него есть любовь, есть искусство, и есть дар божий...

М. ИРИМЧУК

Фото С. КАРТОШОВА